

ВВЕДЕНИЕ

(к прочтению необязательное)

Описываемый в романе исторический период из-за недостатка сохранившихся письменных источников крайне туманен. Смоленские летописи, повествующие о XIII веке, попросту до нас не дошли, поэтому историкам приходится черпать информацию из других, иногородних летописных списков, а они дают о Смоленске крайне скудную и зачастую противоречивую информацию. До сих пор даже не понятна и вызывает споры родословная некоторых смоленских князей, как, например, Изяслава Мстиславича — одного из главных действующих лиц в произведении. Что уж в таком случае говорить о боярах и других менее важных лицах — они исторической литературе если и известны, то лишь на уровне мифологизированных слухов, как некто Меркурий Смоленский, противостоящий монгольским отрядам, возвращающимся с Новгородчины. Поэтому все местные, «смоленские» действующие лица в книге, будь то княжич, бояре, дружинники или иные горожане, являются не более чем авторским вымыслом. Но и с реальными персонажами из других княжеств тоже не все чисто с исторической точки зрения, присутствуют в некотором количестве авторские допущения или даже произвол. Но это всё-таки не учебник истории, а жанр попаданческой фантастической альтернативной истории.

Возвращаясь к князю Изяславу Мстиславичу, необходимо, чтобы в дальнейшем не возникло недопонимания, кое-что пояснить. В исторической литературе до сих пор ведётся спор о том, кем он был — князем Смоленским или Новгород-Северским. Разные летописи дают диаметрально противоположные ответы на этот вопрос.

В большинстве исследований он признается сыном Владимира Игоревича, княжившего в Галиче около 1206–1207 годов (Карамзин, 1991. С. 635, примеч. 347; Соловьев, 1993. С. 129–131, 321–322; Андрияшев, 1887. С. 165; Феннел, 1989. С. 113; Dimnik, 1978. P. 107–170; Dimnik, 1981. P. 74; Гумилев, 1992. С. 504; Котляр, 1997. С. 101; Майоров, 2001. С. 542, примеч. 83). На отсутствие оснований для такого отождествления указывала другая группа исследователей, для которых более верным представляются прямые указания источников на происхождение Изяслава от Мстислава Романовича (Грушевский, 1900. С. 149; Грушевский, 1991. С. 282, примеч. 2; Пашуто, 1950. С. 214–216). Промежуточное положение занимает гипотеза А. А. Горского о том, что Изяслав был сыном Мстислава Мстиславича Удалого, то есть одним из тех детей Мстислава, которым Даниил в 1231 году передал Торческ (Горский, 1996 (1). С. 14–15).

В Ипатьевской и Новгородской первой летописях отчество Изяслава не указано (ПСРЛ, II, 770–774; НПЛ, 74, 284). Однако в большинстве других сводов он именуется Мстиславичем (ПСРЛ, I, 457, 513; V, 214; VI, 287; Татищев, 1995. С. 229), причем иногда уточняется, что он был сыном Мстислава Романовича Старого, погибшего на Калке (ПСРЛ, VII, 236; X, 104; XV, 364; XXV, 126). Ориентируясь именно на эти летописные указания, Изяслав Мстиславич в дальнейшем будет указываться со смысловой пометкой «Смоленский», то есть ведущий свою родословную из династии Ростиславичей.

ГЛАВА 1

Смоленское княжество. Город Зарой.

Февраль 1233 года¹

Второе крыду мое пробуждение в XIII веке в эмоциональном плане выдалось куда менее драматичным первое. Я проснулся впотьмах. Скучно рассеиваемый сумеречный зимний свет с трудом пробивался через тусклое слюдяное оконце. И вновь я проснулся в теле тринадцатилетнего подростка, которое неведомо каким образом оказалось занято моим сознанием, переброшенным сюда прямиком из XXI века. Душа мальчика, по всей видимости, покинула свое телесное обиталище. Во всяком случае, в своей новой телесной оболочке присутствие каких-то посторонних существ я не чувствовал. Все указывало на то, что этот подросток оказался целиком и полностью, по чьей-то прихоти или волею случая, в полном распоряжении духа пришельца из будущего — или, может, параллельного мира?

Вчера весь день я пребывал просто в шоковом состоянии. Первые несколько секунд, лежа на спине, я бездумно пялился в бревенчатый потолок, все никак не мог понять, где я и что здесь вообще происходит...

— Оклемался княжич! — Первое, что я услышал — это был чей-то невнятный возглас с каким-то странным акцентом, резанувшим мой слух.

Я медленно повернул голову на звук. Перед глазами вдруг все сразу закачалось, словно я оказался на корабле в штормовую погоду. С трудом зафиксировал взгляд

¹ Автор сознательно вводит анахронизм, так как современное летоисчисление от Рождества Христова было принято на Руси только в 1700 г. До этого же вели счет «от сотворения мира». Тогда это «лютень (сечень) 6741 года от сотворения мира».

на чьем-то усатом лице. Рядом всплыли другие явно встревоженные бородато-усатые, незнакомые физиономии.

— Владимир Изяславич! Наконец-то очухался! — искренне обрадовался первый увиденный мною здесь усач.

— Я Михаил! — ответил я и тут же сам поразился своему непривычно звучащему голосу.

— Истинно так, княжич, то твое крестильное имя! Сейчас твой отец придет, его уже позвали! Вот радость-то у князя будет!

— Кто ты? Какой еще князь? — изумился я, еле-еле раскрывая ссохшийся рот, с трудом шевеля обезвоженным языком.

— Опамятовал! — лицо усача побледнело.

Тут в комнату влетел еще один ряженный мужик, лет пятидесяти.

— Сыне! Очнулся! — радостно взревел вошедший и полез своими руками ко мне, с явным намерением обнять.

— Тихо, княже! — одернул князя усач.

— Что ты, Перемога?! В своем ли ты уме? — голос князя от негодования буквально окутал всех здесь присутствующих леденящим холодом.

— Я-то, Изяслав Мстиславич, слава богу, в своем разумении, да вот беда, сын твой никого не признает! Видать, напрочь обеспамятовал от хвори!

— Сыне, верно ли твой пестун рекёт?

Я молчал, обдумывая ответ. Явно ведь, что угодил я в какую-то чертовщину — уже успел бросить мимолетный взгляд на свои руки, которые оказались вовсе и не моими!

Князь, наверное, прочитал ответ по моему беспомощному взгляду.

— Плевать! Заново всему обучим, главное — жив остался! — с этими словами отец моего нового тела приподнял меня, крепко сжимая в объятиях.

Проснувшись во второй раз все в той же средневековой комнате, я принялся вновь и вновь перекручивать в голове мысли, нагрянувшие воспоминания. Тело затекло, и я постарался тихо потянуться под тёплой медвежьей шкурой. За спиной послышалось чье-то пыхтение, очевидно, в ком-

нате я был не один. Поскрипывая досками, я перевернулся на другой бок.

На соседней лавке сосредоточенно наматывал на свои ноги полотняные, давно не стиранные обмотки мой свитский. Вчера он вроде как назвался странным именем или прозвищем Тырий, я так толком и не понял. Сильно не разлепляя глаз, взгляделся в его сторбленную фигуру. Выглядел паренёк лет на пятнадцать, то есть на пару лет постарше моего нового телесного обиталища. Он обладал запоминающейся внешностью — рыжий, худой, с веснушчатым лицом. Только я не понял, на черта он здесь спал, вроде бы вчера я засыпал в одиночестве? Надо бы аккуратно, в моём случае немногословно, прояснить этот вопрос. А то, знаете ли, с трудом удаётся понимать местный кривичский диалект старославянского языка. Вдобавок меня так и подмывает сказануть что-нибудь этакое, на современном мне русском, что для слуха местных обитателей звучит как нечто тарабарское и непонятное. Вот и вчера мне приходилось натуральным образом «фильтровать базар», подстраиваясь под местную «мову», запоминая новые слова, фразеологизмы и обороты речи.

Ситуацию вживления в личину реципиента облегчали два обстоятельства. Во-первых, раньше Владимир Изяславич — именно так зовут княжича, куда меня забросила нелёгкая, сильно заикался. В момент первого «пробуждения», когда я здесь неожиданно очнулся, мне об этой особенности княжича ничего не было известно. Поэтому, пребывая в полуголовном состоянии, я сразу начал чисто, но маловразумительно говорить с окружающими, отвечая на обрушившийся на меня поток вопросов. Они беспрестанно сыпались от суетящихся у моего ложа лекарки, князевых людей, от самого князя, участливо и весьма озабоченно взирающих на происходящее. В разговоре с ними сразу стал придерживаться простой легенды — дескать, ничего не помню кроме отдельных слов, да еще в моей голове появились какие-то новые слова, которых никто здесь и не слыхивал. Пришел княжеский, а заодно и мой духовник. В незнакомых словах он опознал неправильно произносимые, исковерканные мной слова из болгарского, латинского, греческого, польского и немецких языков. Я от этого безапелляционного заявле-

ния ученого священнослужителя лишь облегченно перевел дух, пусть будет так! Как говорится, хоть чугуном меня называйте, только в печь не ставьте!

Лишь под вечер отец княжича Изяслав Мстиславич, успокоительно глядя меня по голове, сообщил, что хоть сын и обеспамятовал, но нет, дескать, худа без добра — перестал заикаться. В тот момент, уже окончательно разобравшись, где и в ком я нахожусь, мог лишь молча про себя зло сплунуть. Сейчас бы мне этот изъян княжича пригодился, до момента, пока бы я в достаточной мере не пополнил свой словарный запас.

А выяснить из ведшихся вокруг разговоров, пусть даже и будучи по большей части в роле пассивного слушателя, мне удалось вот что. Оказывается, княжич, то бишь я, вместе с некоторыми другими членами княжеской семьи серьёзно болел какой-то заразной болезнью, обрушившейся на Смоленские и Новгородские земли. Судя по редким оспинам, оставшимся на теле, похоже на оспу.

И вот сейчас, глядя на проворно одевающегося Тырия, я решил не тратить время в пустых рефлексиях и самобичеваниях. Пока нет взрослых, надо пользоваться моментом, побольше разговаривать с приставленными ко мне «дворскими», или «дворянами», по-разному их здесь называли.

— Эй, — прохрипел я своим ломающимся голосом, — ты чего тут делаешь?

— Сызнова опаматовал! — испуганно всплеснул руками мой незваный сосед по комнате. — Это же я, Тырий, твой спальник!

— Да помню я! Только не пойму, что — тебе больше спать негде, кроме как в моих покоях?

— А где же еще мне почивать прикажешь?! Я, да Корыть, да Верулав — все твои спальники, спим поочереды с тобой.

Как-то двусмысленно прозвучало. Одно радует, что хоть не в Древнюю Грецию забросило, там гомосятины сплошь и рядом хватало, один Александр Македонский со своими воеводами-любовниками чего стоит!

— А девок почему среди спальников нет! — я шуточно возмутился, от чего Корыть тихо хрюкнул, боясь громко засмеяться.

— Дык отец твой, наш князь Изяслав Мстиславич, такого не позволит тебе, ублюдков-то с девицами приживать, — и, чуть задумавшись, дополнил: — Да и мал ты есчо, до четырнадцатилетия тебе еще год остался! На днях, когда ты, Владимир Изяславич, болезный в горячке был, тебе токмо тринадцать лет сполнилось.

Понятно, значит, здесь что-то вроде совершеннолетия в четырнадцать лет наступает, это, откровенно говоря, радует. Меньше всего я себя ощущаю и желаю оставаться сопливым подростком, когда над страной сгущаются грозовые тучи: во вчерашнем разговоре с духовником мне удалось установить точный год от Рождества Христова — тысяча двести тридцать третий! Это значит, что до монгольского нашествия на Русь оставалось меньше пяти лет! Но эти годы еще надо суметь прожить, а значит, следует вживаться в новый образ. Кажется, из уст спальника прозвучало что-то про ублюдков, надо бы прояснить...

— А ублюдки кто такие?

— Ну как же? — удивился Тырий. — Дети незаконнорожденные или от рабынь — рабиничи. Вот, к примеру, твои меченоши Вертак и Вториж, спальник Корыть — все как есмь ублюдки и рабиничи! Но лучше их так не называть, обижаются.

— А ты, Тырий, случаем, не ублюдок? — подавляя смех, спросил я, не в силах скрыть улыбку. Ну смешно мне, когда люди сами себя всерьез считают ублюдками.

— Не-а! Я своего отца знал, десятником у нашего князя Изяслава Мстиславича был, пока ноньча от морового поветрия не сгинул! — Тырий подозрительно шмыгнул носом. — Но ты, княжич, этого всего верно не помнишь? — с толикой надежды в голосе на мое выздоровление спросил Тырий.

— Забыл я обо всем этом!

— Так слушай! — оживился спальник. — У меня есчо и брат есть, на год тебя младше. Как подрастет, тоже в гридни пойдет! Мечом деревянным машет — только свист стоит, не хуже тебя, Изяславич!

Ага, подумал я, слушая Тырия, взахлѐб повествующего о своей семье. Тот еще из меня мечевик выйдет! Никогда и никаким холодным оружием, кроме кухонного ножа,

я не владел. Да и нож использовал лишь по прямому предназначению и не более того. Разве что, может, какая-нибудь телесная память осталась? Чего гадать, скоро все само собой выяснится! И словно в подтверждение моих мыслей, неожиданно прозвучало:

— Ты сегодня, княжич, никак лучше себя чувствуешь?! — и, не дав мне слова вымолвить, Тырий продолжил: — Давай тогда одеваться будем, Изяслав Мстиславич уже вставши!

Прозвучало так уверенно, что и язык не поворачивался как-то возражать и отказываться. Вот я и насимулировался! Придётся вставать и будь что будет, решил я про себя, решительно вскакивая с лавки. Тырий выглянул за дверь, и в комнате сразу нарисовалась еще парочка спальников. Видать, под дверью, подлецы, караулили!

Минут за десять общими усилиями меня умыли и облачили в дорогие, попугайской расцветки одежды. Кафтан был ниже колена малинового цвета, его воротники, рукава и подол были наведены золотом. Подпоясался золотым ремнём, натянули на ноги востроносые кожаные сапоги зелёного цвета, а на голову — синюю шапку с красными наушниками. В таком наряде сразу почувствовал себя каким-то скоморохом.

Вышли из комнаты. Встречная дворня при моем появлении замирала и склоняла головы в поклонах. Пара босяков, лет десяти-одиннадцати, возящихся у печки, вовремя не среагировала на княжича подобающим образом, за что тут же получили затрещины от сопровождающих меня дворян. Раскланивались со мной не только челядь, но и встречные дружинники, бросая в мою сторону оценивающие взгляды. Дескать, в своём ли уме княжич прибывает или того... свихнулся в конец. Видать, приключившаяся со мной амнезия ни для кого не была секретом.

Так, шествуя по коридорам и переходам, мы набрали на князя, являющегося по совместительству еще и отцом княжича Владимира Изяславича. Одет он был так же безвкусно, как и я. Щеголял князь в зелёном кафтане, а сверх него было надето синее корзно с красным подбоем, застегнутое на правом плече, подпоясан золотым поясом с четырьмя концами. Свитские при виде князя разом склонили головы, я, чуть подумав, тоже последовал их примеру, слегка качнув головой.

— Ну как, сыне, — Изяслав Мстиславич, тряся длинными усами, свешивающимися ниже подбородка, приобнял меня своими лапищами за плечи, — поздорову ли тебе?

— Телесно вроде здоров, но память так и не вернулась, ничего не помню!

Изяслав Мстиславич тяжело вздохнул.

— Ладно, сыне, иди кушай, а потом ступай к своему дядьке-пестуну — Перемоге. Займёшься с ним ратным учением. Вот, глядишь, так понемногу и обростешь новой памятью, какие твои годы! Там тебе и забывать-то было особо нечего!

— Слушаюсь, отец! — В мыслях я возблагодарил всех святых за здравомыслящего родителя, попавшегося на моём новом жизненном пути.

— После Перемоги зайдёшь к нашему духовнику — отцу Варламию. Он тебя не токмо духовно окормлял, но и учил грамоте и цифири. Не вспомнишь — заново учить зачнёт, я уже распорядился. Ныне же вечером по случаю твоего выздоровления устроим пир! А теперь ступай.

Мы вместе с дворянами еще раз поклонились и пошли завтракать. А я перевёл дух. По крайней мере, Изяслав Мстиславич признаёт меня за сына, на костре сжигать вроде тоже не собираются. Значит, можно жить!

Долгими зимними вечерами Изяслав Мстиславич часто уединялся со своими соратниками — некоторыми воеводами, дружинниками и ближними боярами. Обсуждал князь со своими помощниками все мелочи предстоящего трудного дела — возвращения смоленского стола. Одни советники предлагали князю не спешить, подождать, другие побуждали его действовать немедленно.

— Княже, дружина брата твоего от мора сильно истаяла, треть уж в земле лежит, а еще столько ж болящих! — убедительно доказывал князю недавно приехавший из Смоленска его доверенный боярин Дмитр Ходыкин.

Дмитр мало походил на классический образчик боярина — хоть он и обладал высоким ростом, но был весьма тощ. Голова была не выбритая, а именно что лысая, хотя Дмитру было тридцать пять лет. От ведшегося с князем разговора он

излишне горячился, а потому принялся расстёгивать полы своей куньей шубы, хотя в нетопленной комнатенке было довольно прохладно.

— Откуда знаешь? — обычно невозмутимое лицо князя, с бросающимися в глаза длинными висячими усами, слегка напряглось.

— Бояре, что сейчас в городе сидят, но по-прежнему верные тебе, доносят.

— Хм... — Изяслав Мстиславич с металлическим шелестом поднялся и подошел к слюдяному оконцу, вперев в него задумчивый, невидящий взгляд. Металлический шум издавали ламеллярная кольчуга с позолоченными пластинами (наплечники и нарамники) и крупной позолоченной бляхой, похожей на умбон щита, что красовалась на груди. Князь лично выезжал за город, встречать боярина, прискакавшего с важными вестями.

— Выступать надоть, смоленский люд тя поддержит. Особливо купцы, полочане очень уж их торговлишку придушили, как только их князь, а твой брат, на двух столах сел.

Изяслав Мстиславич продолжал безмолвствовать, по-прежнему смотря задумчиво в оконце.

— Ступай, боярин, отдохни, завтрава продолжим...

Выпроводив боярина Ходыкина, Изяслав Мстиславич приказал гридням, сторожащим у дверей, вызвать к себе Перемогу. Прежде чем принимать какие-то серьезные решения, князю хотелось узнать, что называется, из первых рук, как там себя чувствует его наследник.

— Что нового скажешь, друже мой Перемога? Как там Владимир, лучше ему не стало? — князь сразу, без всяких предисловий, обратился к расположившемуся на лавке пестуну своего сына.

— На поправку идет княже. Только он каким-то после болезни сердитым стал, неразговорчивым, больше двух-трех слов и не молвит.

— А, — махнул князь рукой, — тринадцать лет исполнилось, детские забавы уж не к лицу ему. Эта болезнь княжичу еще и на пользу пошла! Слава богу, что от заикания излечился! А то какой с него князь был бы — слова на людях молвить не мог. Слава тебе, Господи! — Изяслав Мстисла-

вич встал и перекрестился на икону, Перемога все в точности повторил за своим князем.

Смоленский князь в изгнании Изяслав Мстиславич уже заметил, что его сын после перенесенной болезни сильно изменился, но старался не заострять на этом обстоятельстве внимание своей дружины, мало ли что в их дурные головы придет. Князь знал на своем богатом жизненном опыте, что если у кого память отшибло, то такой человек сразу во всем меняется, ведь он, по сути, заново жить начинает. Но для Изяслава Мстиславича самое важное было в том, что его единственный наследник все-таки выжил, в отличие от не перенесших мор жены и дочери. А вразумить заново его еще успеется, ведь ему даже четырнадцати лет не исполнилось. За год, дай бог, его сынок заново во всем освоится, а может, и память вернется.

С прискакавшим в городок Зарой смоленским боярином и своими ближниками Изяслав Мстиславич продолжил разговор на следующий день сразу после обеда, на пока еще трезвую голову.

— С дружиной выступим через пару-тройку седмиц, а то как бы самим этот проклятущий мор не подхватить. Успеется! После сильных морозов моры обычно прекращаются. — Князь с тяжким вздохом продолжил: — Как раз через восемь дней справим здесь, в Зарое, сорокадневную тризну по моим покойным женушке и дочери, унесла их эта моровая язва, а уж потом я вплотную займусь своим братом-аспидом!

— Как повелишь, княже! — воевода княжей дружины Злыдарь лишь покорно склонил голову. Его посеребрённый чешуйчатый панцирь еле уловимым перезвоном стальных пластин поддержал своего владельца.

У меня был послеобеденный отдых. Поупражнявшись вместе с приставленным ко мне дядькой-пестуном на мечах и сулицах (коротких копьях), я ушел к себе в комнату покомарить. Но сон не шел, я все время размышлял о судьбе-злодейке, забросившей меня в подростковое тело смоленского княжича. Последнее, что я запомнил из некогда прожитой мною жизни в личности Михаила Николаевича